

Федор Метлицкий

Конец света

Федор Метлицкий
Конец света

«Автор»

2026

Метлицкий Ф. Ф.

Конец света / Ф. Ф. Метлицкий — «Автор», 2026

Что делать, когда станет ясно, что близка глобальная катастрофа – на Земле скоро будет невозможно выжить? Эта повесть - о запоздалом пробуждении любви к голубой планете Земля, когда наступает конец света. В повести героя, и всех людей спасают инопланетяне, сами терпящие катастрофу на своей планете. В своем звездном корабле они отправляются вместе с землянами на поиски новой планеты обитания.

© Метлицкий Ф. Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава	6
1	7
2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Федор Метлицкий

Конец света

Считается, что человек способен раскрыть подлинного себя только в предельной ситуации, своей волей бросаясь на амбразуру жизни. У Варлама Шаламова предельная ситуация вызывается внешним (репрессиями тоталитарного государства), ставящим под вопрос само человеческое существование. На самом деле последняя черта – это глобальная катастрофа на Земле, полет в тартарары вместе с людьми и государствами, гибель всего. Когда понимаешь: чтобы выжить, надо беречь нашу планету. Кто, кроме инопланетян, может помочь?

Чтобы понять всякую ложь, надо понять, из какой правды она исходила.

Александр Солженицын

Глава

Глава

1

*Он подлетал, стремительно сближаясь
к той звездочке в сиянье, как сапфир,
что родиной была, и целый мир
не мог бы вызвать так любовь и жалость...*

Я встретил его за садом, где когда-то приземлились мои инопланетные друзья Иса и Муса.

Он вылез из своей «космической тарелки», зажмурившись от земного света. На нем был серебристый костюм, похожий на спортивный.

— Здравствуй, папа!

Это был длинный нескладный юноша с тонкой шеей, слегка удлинненным затылком инопланетянина и наивным выражением лица. От него веяло нездешним состоянием космонавта. Я жадно оглядывал его, узнавая свои черты, и ее, моей идеальной любви из иных сфер, коей я когда-то обзавелся, как женатый Данте.

Мы обнялись. Во мне было чувство, словно увидел наяву давно умершее родное существо, по кому тосковал во сне. Он был родным, но в нем была такая инопланетная независимость, что я оробел. И было неловко, не мог потискать его, как обычно родного человечка, хотя чувствовал смертную крепость уз родной крови. Не прожил с ним его детство, и потому, как матери архиерея в рассказе Чехова, хотелось говорить ему «вы».

Я давно отрезвел. Была ли это эйфория после укола наркоза в больнице? Или это действительно было путешествие на другую планету? И это мой сын от инопланетянки?

— Как ты здесь...?

— Прислал наш Форум. Просили выяснить, насколько земляне готовы к изменениям на вашей планете Земля. И чем мы можем помочь. Но это пока секрет — нечего возбуждать землян раньше времени.

Об этом фантастическом, но достоверном пребывании на планете более высокой цивилизации, которую назвал Ио, я рассказал в книге «Созвездие «Обитель Творца», которую можно найти в Сети.

* * *

... Помню только оранжевый горизонт утренней зари над голубым полем, неправдоподобно огромное светило, и странное чувство, что увидел дивный первозданный мир фантастически удаленной планеты.

На меня, лежащего на каком-то овальном столе, уставились двое, мне показалось, огромными синими, как озеро Тартар, слегка раскосыми глазами даунов. Совсем не зеленые уродцы с развесистыми ушами и глазами лемунов, как описывают инопланетян, — извращенное представление непонятного. Только сзади, около ушей торчали крошечные антенны, не портящие впечатления Один, худой, со страдальческим взглядом, назвался Исой, другой, с неподвижным лицом, смуглый, со сросшимися бровями — Мусой.

Появилась еще безволосая девчушка с удлинненным голым затылком, как у Нефертити. Она напоминала кукольно совершенную девчушку из одного мультфильма, привидевшуюся его создателю словно в самом счастливом сне. В то же время в ней было что-то недоступное, исключаяющее мужские заигрывания.

Они проводили надо мной какие-то опыты, и я страшно боялся, что меня расчленият на части и поместят в паноптикум. Но все оказалось не так, их поразили разумный экземпляр землянина...

Мою судьбу — диковины из низшего мира, должен был решить Форум. На неправдоподобно высокой горе Познания, словно утесе над космосом, у страшно близкого оранжевого светила открылось утро иной цивилизации. Амфитеатр Форума, на верхней площадке, походил на чашу, в его светящемся полукруге происходили состязания, которые трудно назвать спортивными. Это состязание одновременно ума и тела, ума-тела. Бессмысленность вопящей страсти наших спортивных болельщиков здесь раскрывалась во что-то осмысленное.

Мириады зыбких аборигенов сидели в свободно колеблющихся креслах, словно готовые улететь. Многие на своих креслах-тарелках играли в воздухе, мгновенно появлялись и исчезали. Как открытия науки и техники становятся естеством жизни, так сотворенные высшие технологии на Ио стали естеством природы, превращающей, как Создатель, исключительное в естественное.

Меня подавали как открытие. Я сидел в центре великой арены, чувствуя себя вознесенным на высочайшую точку, откуда открылись необозримые чуткие просторы. Наверно, сейчас решат мою судьбу.

Над ухом певуче говорили, мне удалось разобратить:

— Удивительно похож на нас.

Загадочные существа смотрели на меня из рядов амфитеатра, в них не было враждебности, а только ожидание.

Отражаясь в небе экрана, как огромное существо, на зиккурате сидел в желтом одеянии на скрещенных ногах патриарх, с голым черепом и удлиненным затылком, без морщин, — молодой, как и все тут. Антенны на его голове были длиннее, чем у других. Величественный, как бог на облачке, он заговорил.

Это был торжественный разговор, полный незнакомых мне намеков, исходящих из их открытости законам космоса. Я понял их так.

— Великие граждане! — возгласил патриарх. — Мы собрались, чтобы оценить истоки психических заторов в глубинах живой Вселенной. И таким образом определить нашу судьбу. К нам прибыл посланец планеты Земля, опыт которой мог бы дать новый импульс в нашем восхождении в Единое.

Сзади меня вспыхнул экран, показывали картины истории Земли, похоже, из нашей фильмотеки раннего немого и позднего кино. Слышался зловец бодрый радиоголос, говорящий на чистом русском языке:

— На РББ индекс Доу Джонса... ФАС и ФНС установили правила игры... Дистрибьюторы MLM гипнотизируют клиентов сетевого маркетинга...

Наконец, все увидели сложную диаграмму с темными туманностями и светлыми пятнами, — изображение моей психики, наверно, для них олицетворяющей психику человечества Земли. Этого я никак не мог принять, но зрители понимающе аплодировали. Они вникали в мое земное духовное, ибо о внешнем знали все.

Ожидался отчет об исследованиях чуждой цивилизации. Есть ли родственность между живыми мыслящими существами — в цивилизациях космоса? Свойственно ли им любить?

Вырос на экране (действительно, здесь все великие!) Путешественник, доставивший меня сюда, такой же лысый и молодой, как и все. Их экспедиции гуляли по Вселенной, забираясь в далекие уголки. Я почему-то мысленно назвал его Улиссом.

— В космосе есть поселения примитивных, не динамических сообществ. В джунглях одной из далеких планет — медузообразные существа, в поисках пищи приоткрывающие змеиной длины розовую щель — рот. На другой планете — племена без истории, довольствующиеся мифами. На третьей печально распадающейся планете — существа с трагическим

выражением безнадежно потухших лиц. А на веселой планете увидели вспышку — там, на вечно отплясывающий фольклорные пляски народ в ярких пестро кружащихся одеждах, внезапно обрушился астероид величиной с древнеримскую арену для битвы гладиаторов. Так и погибли, не ощутив катастрофы. Таких мы предпочитаем не посещать. Ваша планета не намного лучше.

Он глянул на меня.

— Динамическая история планеты Земля, конечно, нам ближе. Мы побывали на ней, наблюдали за жизнью людей. Там ужасно смешно. Города переполнены, а большая часть планеты не пригодна для жизни, но уже заражена отходами. Неподвижные коробки жилищ, механические машины для движения и стояния в так называемых «пробках». Ревущие самолеты, не похожие на наши бесшумные тарелки, низко над поверхностью. Башни-антенны, опутывающие сигналами только свою маленькую планету.

Я обнаружил в себе знакомые пласты настороженности к Чужому. Вечная напряженность в себе, реагирующая необходимой стороной натуры.

Улисс продолжал ровным тоном ученого свои изыскания:

— Как я понял, устройство их экономики не предусматривает этики. Она ушла в абстракции цифр и формул. Отвергаются те, у кого нет так называемых денег, или баксов, евро, тугриков, «бабла» и так далее, кто не может дать ничего.

Он говорил с сожалением, что история землян — это история нехваток, и поэтому их кругозор ограничивается постоянным выживанием и борьбой с Чужими, желающими отнять. Отсюда их институты насилия — дикие суды над земными существами, опереточные выборные батальи, с заранее predetermined результатом в пользу владеющих ресурсом. Эгоизм, зависть и вражда стали чертой этих народов. Империи захватывают несчастную планету, хотя и несут просвещение и мощь человеку. Они там не могут выйти из интересов трайбов.

— Чтобы их понять, великие граждане, надо представить, что нам не хватает питания, и что мы можем осердиться друг на друга.

Окружающие засмеялись, на многих лицах отразилась работа мысли. Они не могли понять, как может не хватать питания, — это же небольшие таблетки и воздушные напитки, вырабатываемые нано-технологиями, заряжающие каждого на весь Сезон (перевозу на русский: биологические нано-роботы, в сотни раз меньше клетки, внедряются в нее, питают и одновременно контролируют здоровье). А уж озлиться друг на друга, значит спуститься с духовных высот, которые их объединили. Это было непредставимо.

Из рядов амфитеатра вырос очередной докладчик — Муса. Своим металлическим голосом он делал выводы из их исследования меня.

— Наука у них отделена от экзистенции, потому время — механическое, а не циклическое. Смерть — ужасна, они принимают ее неестественно, не понимают, что смерть входит в мировой цикл превращений. Потому религия зиждется на спасении извне, а не изнутри. Хотят своего продления, изобретая эликсир бессмертия. Ищут какую-то национальную идею. Их проблема исходит из забвения мировых циклов.

Он повторял то, что говорил раньше. На Земле господствует поверхностная, массовая культура. Она произошла из утопии, иллюзии, может быть, неискоренимой надежды. А потом вошла в русло, в общие стереотипы мысли. Царство мертвой тождественности. Потому что не выносит тягот самопознания, достижения цельной личности. Язык примитивен.

— Все это ведет к гибели их цивилизации. Эту заразу нам нельзя принять.

— Неверно! — закричал я. — У нас появляется новая цивилизация, и рождает нового человека!

— Нового закрытого человека в замкнутом мире, который никуда не ведет.

Я парировал:

— Уверен, что вы не увидели метафизической глубины культуры моей планеты. Той, что скрыта под внешней жизнью, понятна и родственна вашей душе. Пусть наши люди сами не осознают ее. Там те же устремления, что и у вас.

Он понял меня.

— Мы не ограничены нашей планетой. Мы — везде, в Космосе.

— Как и мы, — сказал я. — Мы — бесконечны. Натура нашего человека похожа на вашу. Мы в наших просторах Земли — безалаберны, мистичны, и народные песни протяжны. Вся дымящаяся колыхающаяся арена одобрительно загудела.

Это было невероятно: они меня понимали! Я не мог представить этой необъятной среды, в которой они жили. Пределы нашей земной окружающей среды зависят от нас самих. Мы освещаем лучом внимания нужную сторону объекта, и таким образом осваиваем ее, отво-евывая у материи. Но здесь луч внимания настолько шире и глубже, что окружающая среда для них — приближенный к их порогу весь Космос.

— Так как же с пришельцем? — спросил старейшина.

На этот вопрос ответил Иса:

— Этот представитель человечества, несомненно, подвержен состраданию к себе подобным. У него острое чувство жалости. Но одновременно (прости, брат!) — в нем страшное зияние одиночества, фатальное отношение к нищете, стонам и обидам. Но он открыт, и потому может любить. Мы должны учесть это в оценке земных существ.

Все залопотали, уходя в высшие недостижимые мне смыслы.

Я смутился: моя банальная подверженность жалости, и в то же время «зияние одиночества». Тоже мне брат!

— Все же у земного существа преобладает инстинкт недоверия, — сказал Улисс, глядя на меня как на объект исследования.

Патриарх произнес:

— Их представитель может занести земной вирус отчуждения. Вам решать, что с ним делать?

Ответил Муса.

— Да, там распространено состояние одиночества, самого страшного дьявола, как это явление называет мой земной друг. Землянам, выпавшим из света, свойственно безумное желание выйти из вечного одиночества отделенного себя, это запряжено в глубине подсознания. Они спасаются иллюзиями ухода в семью, в общественные «тусовки», по его выражению. Подлинного пути преодоления одиночества они еще не нашли. И потому так боятся смерти.

Я возмущился. Его слова показались мне оскорбительными. Неужели они притворно дружили со мной, вникая в душу с какой-то целью?

— Картина неправильная!

Диаграмма на экране заколыхалась.

Во мне взыграл патриотизм.

— Да, наш человек еще живет в системах. Интересы систем и отдельных блуждающих особей бывают непримиримы...

Я ощущал завалы моего незнания, и трудно было спорить. Меня осматривали с огромным любопытством.

Вмешался Улисс.

— Драться в войнах — это черта низших цивилизаций. Их войны с убийствами миллионов самых пассионарных — страшное разбазаривание интеллектуального потенциала. Их наука, изобретения служат усовершенствованию средств войны.

На Земле я смотрел на войны со стороны, через экран телевизора, но тут смутился, словно лично отвечал за людей, не на кого опереться. Представительствовал за все челове-

ство. Сподобился! Ты вечности заложник у времени в плену. Хорош представитель, со столькими пороками, незнанием своей родины!

— Нет, — доказывал я. — Теперь у нас новые условия, уходят преграды систем и самой природы. Грядет глобализация. Это путь гармонизации различий, конфликтов между всеми общностями. После развала Империи люди изменились. Не стало притворства добра, гуманизма, о чем пели в песнях и стихах. И это благотворно. Своеволие человеческого характера выскочило наружу, жадность стала неприкрытой. Но оттуда растет новый землянин, с совестью и болью за всех!

До меня дошел смысл их речей, я ужаснулся тем, что происходит на моей родине. Недаром многие ближние страны удирают от нас. Спасаться надо от этого неперебродившего народа, неуверенного и жестокого друг к другу!

— Да, мы полны пороков! — не выдержал я. — И я горжусь этим. А вы, чистенькие, дистиллированные...

Дальше не знал, что сказать, и обозлился на себя.

— У вас слишком легкая жизнь. Уходите в неизведанные смыслы — без трудностей, которых вас лишила расшифровка генома, темной энергии вселенной. У нас есть цель — вырваться из дурной бесконечности. А с чем тут бороться?

— Да, мы избавились от рисков, — озадаченно сказал Муса. — Но есть объективные риски — рок наступления Космоса. Высшая цель — преодоление его, в бесконечной борьбе и познании. А у вас даже не вижу желания преодолеть дурную бесконечность ваших пороков.

— А что же такое циклические революции, ломающие невыносимую жизнь?

— Ваши революции ничего не дают, — продолжал Улисс, знаток цивилизаций. — Происходит бифуркация, потрясение, после чего приходит власть еще худшая.

— Им нужна одна революция, — обратился он к Форуму, — та, что заменит *homo sapiens* на *homo amantis* (человек любящий).

— Ваша жизнь без наших пороков скучнее, — упрямо возражал я. — То есть, я имею в виду другое.

Что другое — разве объяснишь? Даже их музыкальный слух не поймет. Мне нужна вся эта бездонная новизна — но вместе с Землей.

Муса улыбался, мне показалось, коварно.

— Вы любите играть, проигрывать ситуации в конвенциональном пространстве, но это особого рода игра: чтобы получить свое.

— Скорее, мы без ума от самой игры, не приносящей ничего корыстного!

Все почему-то оживились, загудели в свои клаксоны.

Ряды аплодировали, наверно, Мусе и Улиссу, потому что не знали, что такое пороки, добро и зло.

Нефертити посвятила свое сообщение сексу на Земле:

— У земных заложена огромная сила эроса, коренная сила продления рода. Примитивные способы размножения. Неуправляемая демография. И всего лишь частичка наслаждения тела. Принимают секс за любовь в однообразных песнях-поделках, ради наживы и славы. Взирают особых существ женского пола, «гламурных» богинь. Они накрашены древними кремами и красками, скрывающими недостатки их несовершенно развития, — это у них для обольщения. Характер женщины искажается из-за некритического ухаживания мужчин. Желание их писателя Чехова видеть в женщине человека, «подающего мужчине пальто», то есть приравнять к мужчине, там не выполнимо.

И ты туда же! Совсем не умеет врать! Кому верить? Она молола чушь. Земные женщины не обаятельны? Секс застит здравый смысл? Я видел «гламурных» женщин, поп-звезд, телевизионных ведущих, затмевающих реальность культом самих себя. Многие лишь назна-

чают себе цель — быть обеспеченными путем продажи себя олигархам. А в личной жизни, не на экране — обычные смущающиеся женщины, способные на любовь.

— Так можно ли освоить эту планету? — крикнул кто-то в ухо.

— Нельзя, — отозвалось эхо амфитеатра. — Что тогда будет с нами, в среде варваров? Известно, они прячут разбивающиеся межпланетные тарелки, как военные секреты. А представления об инопланетянах чудовищны.

Я искал спасения, увидел печального Ису. Он посмотрел на меня с сочувствием, терпеливо переждал шум и тихо сказал:

— Для нас уже чудо — жизнь, найденная где-то в другой галактике. А это единственная планета, на которой живут существа, похожие на нас, правда, нашей прародины. А высота их культуры представляет интерес даже для нас. Из нее постоянно прорастают ростки того, что близко нам. Человеческие существа всегда открыты новому. В их открытости космосу есть что-то бесконечно приближающее к нам. За это землян можно полюбить. Им надо помочь.

— Помочь! — сердобольно закричали из многих рядов.

Я удивленно посмотрел на него. Неужели у него другая цель?

Старейшина поднял руку.

— Представьте, мы прилетим на Землю. Люди встретят нас в штыки: кто такие? Хотите изменить все, что сложилось? Примут за врагов. Человечество Земли еще не умеет быть приветливым, хотя и ждет сигналов из космоса. Что говорить, если даже природную горючую жидкость не могут поделить, доходят до драк, которые у них называются войнами. Кроме того, Земля густо населена, как нас там примут? Нет, пока будем сотрудничать. Наш посланец — вот он.

Оказывается, Форум собрался не ради решения моей судьбы. Вопрос в другом. Я все еще не верил: хотят захватить Землю? Переселиться?

— Они обречены находиться на своем участке подъема, — поддержал старейшину Улисс. — Все должно вызреть. Свой путь они должны пройти сами.

— Не умываем ли мы руки?

Иса виновато обратился ко мне.

— Ваш пример нас тоже чему-то учит. С вами мы стали меньше чувствовать одиночество во Вселенной. Поиск родственных цивилизаций — суть наших желаний.

Старейшина заключил:

— Что ж, подождем критического момента.

— Не дождетесь! — невольно вырвалось у меня.

Публика одобрительно гудела, некоторые в своих тарелках возбужденно выпрыгивали из рядов.

Патриарх спросил:

— Так что же делать с нашим гостем?

Народ молчал. Показалось, инопланетяне поверили, что существо другой планеты может стать одним из них, в неизмеримых высотах ушедших в иные миры сознания. Поверили, что я не опасен, могу стать сыном их полка, то бишь планеты. Но их смущает нечто примитивное, земное, тенью видимое в рентгенограмме моей души. Наверно, их мир неведомых нам высоких конфликтов недосыгаем для земного существа.

Иса поднял палец вверх (реликт древнего ритуала), и за ним стали поднимать пальцы остальные.

Меня оставили в живых, приняли. С меня свалился смертельный груз. ..

* * *

Моя подруга встретила его со странным чувством. У нее появились слезы — тоски бездетной женщины по не рожденному ребенку. И странно было видеть нескладного парня, который оказался сыном родного ей мужчины, почти родным ей.

У нее была обида на меня. Ей приснилась моя измена. «Во сне приехала к тебе в какой-то дом отдыха, и кто-то прошуршал платьем и исчез, ты как бы невзначай поправляешь кровать, и сердце мое защемило: ты раньше здесь долго жил, и знаешь все ходы и выходы, как выводить женщин. И я заплакала». Самым жалким кажется человек сам себе, когда он плачет во сне: Аа-аа-аа! Это самый глубокий плач духа! Хотя просыпаясь, не помнит, о чем плакал.

Она страдала, как страдает всякая женщина, лишенная той полной и прекрасной жизни, к которой предназначена. Я смотрел на нее со сложным чувством — вины и жалости.

С ней, моей подругой, я ощущаю близость и согласие в разверзающейся судьбе. И мы еще надеемся иметь ребенка. Наш секс — яркая доля обмана, потому что не приводит к рождению ребенка. Недаром Бог задумал опасным наслаждение сексуальной близостью — это указание на нешуточность коренного свойства живого — укореняться поколениями во вселенной. Но любовь — намного значительней, чем эта потребность природы.

Мы переругивались с ней, не было особого чувства любви, что охватывает полымем в первой страсти. Отчего, неведомо. По-прежнему было счастье близости с родным человеком, правда, не духовной, что и было причиной наших ссор. Наверно, не любил ее так, как инопланетянку, как Данте не мог любить только свою жену, мечтая о Беатриче. Но когда она умрет, без нее незачем будет жить. В наших ссорах — молодая ревность, и беспокойство от безнадежности старения, и отчаяние одиночества, что обычно владеет стариками.

Ей хотелось отчаянно кинуться к пришельцу, словно в этом был выход ее горю. В ней уже раскрылось желание любить, вся не воплотившаяся в ее жизни любовь к не рожденному ребенку. Повела его в дом — покормить.

Он оглядывал наш деревянный дом-дачу, сухой, в ярком свете из высоких окон, в какой-то печали, словно когда-то оставил здесь что-то, и говорил:

— Когда летел к вам, испытал удивительное чувство приближающейся родины, которую нашел, и могу навсегда потерять. Странно, я все это как будто помню. Словно давным-давно жил здесь.

Наверно, в нем есть нечто, что влечет к Земле, данное вместе с моей отцовской кровью, и тепло внутри — к новой матери, подруге отца. И родственная неловкость пропала в чем-то более сильном. Оно было даже больше, чем просто чувство новизны путешественника.

Я подождал, когда выйдет с посудой моя подруга.

— А как... мать?

Он потеплел.

— О, она стала Матерью новой расы. После моего рождения таких, как я, клонировали уже несколько. Просила передать тебе привет. Надеется увидеть.

* * *

Я безоговорочно влюбляюсь в такой тип независимой умной женщины, гордой, до горького чувства недоступности. Покорность такой женщины — высшее наслаждение. Может быть, поэтому люблю мою властную подругу.

Правда, я любил многих женщин, чтобы уйти из одиночества, постоянного моего состояния, а женщины — это исцеление от одиночества и уход в чудесные кущи близости. Индивидуум, отчужденный от других самой природой, потенциально обречен на одиночество, которое всегда требует жертв, чтобы его удовлетворить. Меня вдохновляло, что есть половина человечества, которую люблю — женская. Всегда был внутренне благожелателен к ней.

Но когда я увидел безволосую девушку с удлинённым голым затылком, как у Нефертити, меня ударило, как током: богиня с огромными печальными глазами, как у напарников, но зелёными. И слегка вывернутыми, опасно раскрытыми пельменями губ. Идеал женщины, о которой тоскуют мужчины, как Данте или Петрарка, что не мешает прекрасно жить со своими половинами.

В Нефертити совмещались два моих любимых в женщинах начала, к которым меня неодолимо влекло: отвергающее меня, ибо «в сердце девы нет закона», и обаяние нимфетки — начало чистоты и возможности.

Что-то иное было между нами, словно нашел желанное — чистое женское начало мира. В ней было то особое сочетание мягкости и твердости, что отвечало моей, как говорили, женственной натуре.

Во мне исчезло желание секса, чем был обман в земном существовании. Может, что-то подмешивали в еду? Но появилось другое желание, трудно определяемое. Возможно, особое питание, воздух играют здесь роль духовной виагры, многократно усиливая исцеляющие соки жизни. Нефертити объясняла:

— Мы живем в постоянном наслаждении, которое вы называете любовью и сексом, то есть любим друг друга, но это гораздо более сложное чувство, чем просто физическое.

Как я понял, их наслаждение любовью как-то связано с исцелением души, вечно тревожной и грустной прямо перед обнаженным космосом...

Мы сидим с Нефертити в ее «квартире» — открытой уютной сфере, на огромной высоте. Обзор вытеснил все мои закрытые уголки, взгляд уходил в необъятный простор пылающего звездного неба, и все дальше и дальше, в иные галактики. На столике, и вокруг причудливые растения всех цветов погружали в волшебное разноцветье радуги. В них утопала душа, уплывала на отдых в некие неги, нирвану, где она полностью подзаряжалась или даже перестраивалась.

Она одета в полупрозрачный хитон, такой сексуальной я ее еще не видел.

— Ты чем-то привязал меня, — шептал ее неземной голос. — Я знала много душ, но твоя — очень смешная, хотя в тебе много непонятной мне тоски. В тебе есть новая черта, мы ее не знаем. Таких у нас нет.

Наверно, она разглядела во мне все чистое, о чем я сам не догадывался.

Вдруг в нашу сферу влетел рой бабочек. Чудо огненно разноцветных ангелов на синем фоне, они изменили атмосферу, словно пахло счастьем. Они вились вокруг нас, и Нефертити что-то пела им. Одна из них, первозданно синяя, обсыпанная снежком, пробудила во мне воспоминание.

— Мы разводим бабочек, — шептала моя богиня. — И райских птиц.

Пили опьяняющий нектар, почти воздух, усиливающий близость, я обнимал ее, словно прощался, в последний раз. Никогда еще не знал такой энергии близости.

— И еще у нас есть звери и птицы. Но мы их не едим, и не охотимся. Это у вас дикий обычай.

От нее исходило обаяние прекрасной невинной нимфетки, превосходящее обаяние земных женщин, за которым всегда ощущал эгоизм соблазнения.

И мой земной инстинкт взыграл. Она слегка удивилась, очень естественно поддавалась наслаждению «по-земному». Даже ради этого куда-то спрятала свои смешные усики-антенны, с помощью которых здесь занимаются утонченной любовью. Никакого смущения: «Будем так, как ты привык». Это отсутствие жестов соблазнения мешало, не прибавляло ей сексуальности. Но она сама была соблазнением. Тело ее нежное и совершенное, как у богини, мне показалось, лучше, чем грубо материальные тела наших женщин.

Мои губы впились в ее полураскрытые пельмени губ. Она откинулась, сраженная, как Тамара от поцелуя Демона. Смертельный яд его лобзанья мгновенно в грудь ее проник.

Ударило такое небывалое наслаждение, превосходящее физическое, какое не могла дать ни одна земная женщина, полет в первозданное природное женское начало, задуманное в первый день сотворения мира. Инь и ян сошлись в трепете исцеляющей любви, удовлетворяя всю потребность воссоединения противоположностей.

Правда, показалось — впустию, как во сне. Скорее, это было наслаждение от духовной виагры.

— Я такого не знала, — шептала она.

Я сразил ее земной порочностью. Женщина этой планеты оказалась слабее и прозрачнее.

Потрясенный общением с Нефертити, бодрый и полный желаний, я готов был наполнить себя атмосферой высшей любви.

Странно, Нефертити не ревновала. Могла делить радость меня с другой, земной, которая была во мне постоянной болью.

— Ты идеал женщины, — шептал я Нефертити. — Таких не бывает на Земле.

Впрочем, так оно и было. Между нами совершалось то, о чем я мечтал в снах о единственной женщине. Странно, может быть, это моя подружка? Она чувствовала мою душу, как свою, и сама раскрывалась полностью.

— Хочу от тебя ребенка, — шептала она. — Это будет начало новой энергичной расы, открытой космосу. Представляешь, как от Адама с Евой?

— И с моими земными пороками.

Я пугался своего счастья. Чего мне не хватало? Я человек земной. Не хватало чего-то родного, мутного.

Ее друзья ощущали в нас особенную эротическую энергию любви, и становились печальными. Иса был безутешен, даже не подумав, чтобы набить мне морду.

— Я вас любил так долго, безнадежно, — цитировал он поэта Земли, которого знал по манускриптам, — как дай вам бог любимой быть другим.

Я невольно улыбнулся. Они оказались мямлями — не ревновали. Я не понимал, как это — не ощущать острый укол ревности. Всю молодость прожил в ревности. Ревновал всех и вся. Хотел бы, как царь Соломон, спрятать в гареме шестьсот девиц. Правда, красивых.

В них же невозможно такое состояние, как ревность. Это высшая нравственность. На высотах нет ревности. Нет родовых предрассудков соединения в пары. Да и института брака нет. Исключительно ценилась свобода. И ветру, и орлу и сердцу девы нет закона».

* * *

Я расспрашивал его, как там, на планете, которую я называл Ио. Он рассказал о своей первой (или второй?) родине. Там по-прежнему готовятся к переселению, может быть, на другую планету — туда, где нет быстрых космических катаклизмов. Он стал одним из официальных космических путешественников.

— Иса и Муса? Часто вспоминают тебя. Просили передать, что Земле грозит катастрофа.

Мои друзья, приславшие грозную весть, не могли обмануться. Я помрачнел. Это было серьезно, поверил тому, о чем подозревал раньше.

—

... После того, как я улетел с планеты Ио, мои новые друзья Иса и Муса неожиданно прилетели на Землю и посетили меня. И только тогда я уверился, что это был не сон, а все наяву.

Уже накрывала жара, нынешним летом уж очень изнуряющая, тревожно говорящая о многом. О внезапном сдвиге земной оси, о прорывающемся сквозь хрупкую голубую оболочку солнечном ветре, несущем радиацию. О потеплении (или похолодании?), несовместимом с живым организмом. О близком апокалипсисе.

Но что вдруг стало со мной? Какое счастье — снова возникла «пронзительность» ясности! Передалось ли чувство исцеления из картинок-копий старых художников на стене, или это куст сирени, врывающийся в раскрытое окно, чистый воздух сада? Или снова пришло чувство обновления, как в колоссальном разливе митингов по многим городам, обнажившим живую душу вялого населения, вышедшего из скучной клетки в подлинную свободу? Оживает родина средиземным своим побережьем, словно в ней источник один — материнская даль...

Ожидание чего-то необыкновенного. Прямо сейчас!..

Многие увидели в ясном небе прочерк молнии. Мой дом осветило от проскользнувшего неопознанного объекта, он опустился в поле прямо за садом.

Передо мной стояли герои моего сна — Иса и Муса, в серебристых комбинезонах. Такие же сосредоточенные, с высокими лбами и лысые, с огромными, чуть раскосыми глазами даунов, глубокими и синими, как озеро Тартар. За ушами у них маленькие аккуратные антенны. Иса выглядел бледным, со страдальческим лицом, Муса такой же, темный, со сросшимися черными бровями, похожий на средневекового испанского мавра, по-прежнему бесстрастный, как киборг.

Иса обнял меня, словно расстался вчера.

— Впервые увидели ваш странный мир. Очень далекое небо, голубая атмосфера, тяжелые квадратные дома, тесно ползающие повозки. Земляне колышутся толпами на улицах, придавленные к поверхности, входят в какие-то подземелья...

— Метро?

— Да, метро. А в головах стоит, как дымка, что-то эфемерное, внушенное вашими видеоинформационными системами. Представления фантастичны, разбиваются о темную суть «вещей в себе».

Во мне воскресло то чувство невероятной командировки на их планету, что возносило за пределы возможностей человека. Когда ощутил в моих исследователях ум неизмеримо вышший, чем когда-либо встречал на земле. Наставников, без которых не знал, куда идти. Я был счастлив увидеть их, словно из глубокого одиночества узрел, наконец, нечто ясное. Оказывается, всегда думал о них, как о чем-то недостижимом.

Они и сейчас вызвали во мне чувство, от которого кружится голова, исчезает пространство и время.

— Как вы оказались здесь? Ведь Форум постановил...

— Мы узнали, что в вашей цивилизации изменилось сознание, — радостно сообщил Иса. — Геополитический сдвиг...

Было совестно принимать их в моем неухоженном убежище. Хотя какая разница — их-то не испортил квартирный вопрос, такового там вообще не было.

— Но как вы меня нашли?

— Твой район освещен вашим Солнцем. Это у вас называется день? А ты рассказывал нам о своем месте среди волшебной природы, где переливается вода и блестит влажная зелень.

— Понял, очень точный адрес, — засмеялся я, и озабоченно спросил:

— Где ваша «тарелка»? Может нужно топливо, найти хорошее скрытое местечко?

Они засмеялись.

— Какое топливо? Забыл, как мы перемещаемся? Не беспокойся, «тарелку», как ты говоришь, не видно, она под землей.

Они явно усовершенствовались в русском языке, видимо, им ввели полный курс нашего языка из Библиотеки манускриптов разумных планет, собранных Путешественниками. Между

собой же пели на своем языке, как Гомер строки своей «Одиссеи», но я научился как-то понимать их язык, правда, больше по наитию.

Вошла моя изумленная подруга, недовольная гостями, явившимися без приглашения. Она терпеть не могла показывать Кремль вламывающимся в наш дом без предупреждения моим родственникам из провинции.

Они встали и церемонно поклонились. Она с испугу сделала книксен. Я растерянно попросил ее приготовить что-нибудь, и она выскочила вон.

— Наверно, проголодались?

Совсем забыл, что они осторожны к незнакомой грубой пище.

Они разглядывали предметы в нашей передней комнате, словно это были артефакты, виденные ими в низших цивилизациях.

— Невероятно, — с восхищением вертел фарфоровую чашку любопытный Иса, видя в ней дивную экономию самой необходимой для жизни формы, исток, объединяющий живых существ в переливах воды роскошной природы.

Земные предметы казались им чем-то тяжелым и неуклюжим. Иса взял стакан, повертел в руках, налил свежееотжатого яблочного сока и отпил, морщась от кислоты и грубых взвесей.

Муса осматривался молча.

— У нас принято при встрече спрашивать, как здоровье как вы живете. Но я был бы счастлив узнать что-то новое о вас.

Иса снова засмеялся.

— Оно всегда новое — что-то добавляем к тому, что знаем о космосе. Другой жизни нет. Чем ближе к взрыву нашего светила, тем напряженнее мыслим.

Радости видеть друзей, бывших исследователей моего сознания на другой планете, мешала мысль, что придется снова оказаться на неизмеримой высоте, в которой трудно выжить человеческому существу.

Муса проявил интерес.

— А как у тебя? Перестал быть маргиналом?

— Не знаю, что вы в меня ввели, но долго ощущал и «гад морских подводный ход и дольней лозы прозябанье». Чувствовал в людях ту же боль, что и во мне. И от этого родства с миром становилось как-то легче.

После моего вознесения на планету друзей было такое чувство, словно поднялся на высокие ступени Лествицы, к «фаворскому свету», совершенно изменив взгляд на мир. Вселенная, которую они мне открыли, сделала меня другим. Хотя моя подруга тоже взбиралась на очередную ступень — нирваны, или сатори, по учению Дзен, неподвижно сидя в позе лотоса. Так что мы были при деле.

Но после отнятия моего дела рейдерами я упал с Лествицы. Никак не мог вспомнить, что меня возносило. Исцеляющий простор стал пропадать, и вернулся бездумный взгляд на внешний мир.

Но вулкан непонятной тоски во мне глухо ворочается непотушенным огнем. Это закон человеческой природы — вулкан можно тушить только постоянными жертвами — свободой и близостью с миром.

— После того, как я улетел от вас, поверил, что несбыточное существует — всеобщая близость и любовь, как у вас. Только вот за что нас любить? Увы, не доросли. Иногда чувствую, нет смысла углубляться в философию, осмысливать суету людей, зная, что ничего не сбудется при моей жизни. Но все равно страстно вникаю в жажде все новых и новых надежд. Какая-то дикая живучесть, не считающаяся с неизбежным. В этом стал похож на вас. Правда, после геополитического сдвига, как вы говорите, появилось ощущение открытости людей друг к другу, и это почему-то омолаживает. Чувство пронзительной свободы. Вдруг в сознании все

преломилось — снова увидел себя страдающего в окружающих, близких и родных. Исчезло одиночество, как будто оказался в стране понимания.

— Вот-вот! — оживился Иса. — Эти состояния землян мы и хотим понять.

— Но мы еще продираемся через тоннель ужасов во вселенском парке развлечений, с цапающими за бочок чудовищами. А вы про энергичность землянина! Вы-то воплотили жизнь в творчество, как Фауст.

— Творчество бесконечно, — грустно сказал Иса. — Печаль наша светла.

Муса перевел на деловой тон:

— Ваш человек стремится к близости с миром, и находит только близость семьи и своего круга. Хотим узнать, навсегда ли ваш Бог разъединил вас?

Иса подумал.

— После сдвига в вашем сознании это стало возможно. Ты знаешь нашу проблему.

Я снова вспомнил ту тревогу, которой они были объаты. Она была и на земле, где уже задумывались о последствиях, хотя и более отдаленных.

— Что же я могу сделать?

Сделал бы для них все, как для Наставников, которых так ждал, и был готов быть гидом по всей территории Земли.

— Мы хотим говорить на вашем Форуме. Видишь, наши роли поменялись.

Я помялся.

— Видите ли, ваши сразу приняли меня, инопланетянина. Ведь у вас иной мир. А у нас — страх перед нашествием инопланетных чудовищ, и слухи — вроде, что-то видели, или насмешки над тупостью обывателя.

— Значит, к телу власти простым землянам так сразу не подступиться? Что это за завалы? Это странно, мы бы рассеяли сомнения.

— Увы, это так. Снизу предрассудки, сверху — иерархия инстанций, и надо доказывать, что пришельцы безопасны. Хотя живые пришельцы — исключительный случай на Земле. У меня предложение: одеться в земной дресс-код. Ведь, вы почти не отличаетесь от людей. И я для начала представлю вас моему... знакомому. Из высших сфер. Попробуем не пугать сразу наших неподготовленных аборигенов.

Они выглядели как спортсмены в своих обтягивающих комбинезонах, что меня слегка беспокоило. Я боялся за них, ведь зомбированное «ящиком» население, которому некогда, да и незачем думать самому, полно мистических предрассудков, и что ему взбредет в голову? А силовые структуры, которые попытаются выжать из них все, что могут?

— Это еще зачем? — удивился Иса. Они не мыслили в земных пластах угроз. — У нас свой дресс-код. Сохраняет благоприятную телу атмосферу, даже в невесомости и абсолютном холоде, и сам очищает тело.

Я не мог просить о гибкости, ибо они не знали, что такое уловки.

Я не хотел говорить о той, которую называл Нефертити. Вспомнил, как моим друзьям, влюбленным в нее, было горько, но они хотели, чтобы нам было хорошо, не умея ревновать. И как она пригласила меня в ее «квартиру» — уютную сферу, на огромной высоте. И рой бабочек — огненно разноцветных ангелов на оранжевом фоне, изменивших атмосферу, словно пахло счастьем. И как одна из них, первозданно синяя, обсыпанная снежком, вызвала слезы воспоминания.

— Думаешь о той, что ты называл Нефертити? — угадал мои мысли Муса. — Она родила получеловека. Его назвали Астером. В ваших легендах так называли минотавра Астерию. Помесь неведомого нам существа — землянина с легким жителем нашей планеты.

Я оглянулся. Подруга еще не вошла. Чувствовал земные угрызения совести — бросил женщину с ребенком! — хотя там иные отношения, и забота о детях общая.

Иса потеплел.

— Ребенок необычен, он волеет в нашу эфемерную плоть новую энергию. Короче, ты у нас стал легендой. Отец новой расы.

И сурово сказал:

— Она тоскует по тебе. Если преодолеешь ностальгию по Земле...

— Тише, — прошептал я. — Моя подруга ревнует даже к Беатриче и Лауре — идеалам классиков.

Я не хотел продолжать тему, тем более, что она вошла с подносом.

Наконец, мы собрались выйти.

У подруги остановились глаза, как во время моей опасной болезни.

— Куда ты опять вляпался? Кто эти пришельцы? Из твоего сна? Ха-ха!

— Отправляюсь на их планету, — пошутил я.

Она смеялась над моим сном, а теперь воочию увидела странных лысых красавцев с тоненькими антеннами за ушами.

— Это не мои родственники из деревни. Совсем другое.

— Только не вяжись с властями. Ты уже от них получил.

— Что-то скоро изменится, — пообещал я. — В лучшую сторону.

Они ступали легко и быстро, и спотыкались — явно не привыкли к земной тяжести, большей, чем на их планете. Я повез их на моем бюджетном автомобиле.

Сидели сзади царственно, как бэтмены. На проспекте их поражало медленное движение ползающих местных повозок. «Перепеваясь» на своем языке, рассматривали диковинно одетых людей, прямоугольные и круглые дома — формы, еще не освобожденные от древнего мистического квадрата — земли, и круга — неба. Правда, есть чудесные здания, возносящие в тончайшую гармонию. Но и они не выдираются из тяжелой материи...

(Мы побывали в парламентах восточного и западного полушарий, и везде инопланетян хотели упихнуть в «шарашку», чтобы выбить секреты их технологий, но им удалось бежать).

...Астер не мог надыхаться воздухом Земли.

— Так вот она какая, родина! Я всегда догадывался о ней, и вот сейчас узнал родное. Словно волны теплого моря, чувства — из истоков иных, из забытых истоков — повторно светят ранним-ранним, родным.

Он смотрел на влажную зелень вокруг и голубое небо взглядом болезненно-глубокого приятия так, словно видел нечто самое близкое, в последний раз, не зная его с другой негативной стороны. Я знал, что у него, как у всех на той планете, в голове величественный грозный космос, глубокие интуиции гения. Как если бы перед нами появился Лермонтов, и заговорил не языком пехотного поручика, а огненным языком его поэзии.

Астер нетерпеливо отправился осматривать окрестности дачного кооператива на древнем средстве передвижения — велосипеде, который вытащил из сарая отца.

Был теплый август. Велосипед трясся на дороге из положенных вкривь и вкось плитах. Поля по сторонам дороги в развороченных неистовых глыбах, пугающих примитивной техникой землян. Вдали дымка неясных воспоминаний, словно он был здесь когда-то, и расстался, испытав боль потери. Увидел в овраге розово-сиреневые и алые стрелы люпина, жимолости, высокими стеблями рвущиеся вверх к солнцу. От них исходил аромат, единственный, хранящий детство, словно родился в самой середине этого аромата и цветовой радуги. Но, словно робкая чья-то услуга, под ним лаской легла дорожка из кирпичной крошки. Открылся неизвестный край — крыши, утопленные в клубящемся лесу.

Кто же, не мистик инструкции ревностный,

Выбрал участки, словно судьбу,

В тени лесной раскрываний телесных,

Около речки, на том берегу?

Странно, он цитировал стихи отца, которые обнаружил в письменном столе.

Он ехал на ленивом велосипеде, касаясь плечом веток сада. А там, за забором, не изведав насилий, скачут на палочках дети, куда их влечет, и снова стук и журчанье работы для души, — и не нужно никого бояться, раскрывая мне нежные чувства.

Он въехал в рощу. Тихо в доме берез, не колышется сумрак вершин. Полное забвение. Это ли дом мой, забытый, в ласке безмолвной? А на шоссе — пронзают туман веселые фары машин.

Никогда Астер не испытывал таких чувств, там, на его родине. Там был космос, огромные сияющие звезды, преобладание ослепительного света и кромешной тьмы, высоченные горы, и бедная голубая растительность. И не было такой заповедной тишины, куда может блаженно уйти душа.

Я предостерег его:

— У меня другое мнение. Да, ты еще увидишь нашу обратную сторону.

Астер печально сказал:

— Что бы ни увидел, уже ничего не изменить. Я знаю всю историю землян, все их войны и порывы к иному.

Он не хотел думать о вести, которую он принес этому родному миру.

2

Астер разбудил во мне тревогу за наше будущее. Я старался увидеть нашу реальность середины тысячелетия глазами моих друзей с планеты высшей цивилизации.

Как пишут, закончилась эпоха модерна, заковавшая дух «неумолимым прогрессом упорядоченных ансамблей», в своем рациональном взгляде куда-то в объективный мир не слышащая стонов живого отдельного субъекта. Уже заканчивалась и эпоха постмодернизма, с ее чувством полной свободы от стереотипов и предубеждений.

Что мне эти «измы»? Они далеки от моего состояния свободы падения в темную бездонную пропасть. Хотя мне, конечно, близка эпоха, где каждый может открывать свою вселенную, не заслоненную путами старых ценностей, и можно творить с чистого листа. Как это было бы прекрасно! Но наступила другая, сложная и запутанная реальность — виртуальная, технологическая, трансформационная, где человеческое может исчезнуть. Больше того, виртуальная информация во многом исключила длительные и нудные путешествия на дрожках, колесных парходах, поездах и самолетах. Сейчас перемещаемся мгновенно, вплоть до пределов нашей ойкумены. Граница между реальностью и виртуальностью стирается.

Философии оказались относительными, как мнения толпы, исчезли смыслы добра и зла, дьявол стал восприниматься как-то снисходительно. Пьедесталы великих мыслителей планеты, которые расшифровывали загадку истории человечества, оказались поколеблены. Может быть, из-за того, что их идеи взывали больше к совести и не были направлены на спасение планеты? Неужели они не будут нужны перед катастрофой Земли?

Истин в убеждениях не стало. Мы обычно робеем перед профессионалами. Но почему-то, когда речь идет о общественной жизни, каждый считает вправе судить о ней не будучи профессионалом. Отсюда рождаются дилетанты политологи, психологи, и вообще наши обывательские убеждения. Убеждение — это возможность презирать не только чужие мнения, но и самих носителей. Люди, или власти совершают глупые поступки, а потом, чтобы объясниться с миром, находят в подсознании законный повод, и затем со всей мощью утверждают в нем сами.

Вся история землян оказалось сплошным сакральным мифом, от Гомера (пересказ древнейших легенд) и 300 спартанцев до 28 панфиловцев (их было гораздо больше), от красных до белых мифов.

*История живет в сознании,
в проекциях его пути,
рожденных бредовыми снами,
где полных гистин не найти.
Обрывочна, рождаясь зыбко,
как движущиеся облака,
уходит, оставляя слепки
лжи образа в словах, руках.*

Теперь даже историку боязно заглянуть в бездну истины, как в засекреченный архив Сталина, потому что это приведет к новым открытиям и к необходимости пересмотреть, переосмыслить историю. Но кто посмеет нарушить убеждения, заполнившие архаичное сознание людей? Искажение истории на руку любой власти. Большинство не хочет невыносимой правды. Истребление индейцев, евреев, арабов показывается как соответственно отселение дикарей в рай резерваций, исход ростовщиков или бомбежка точечными ударами, уничтожающими только бандитов. Почему мифы так долговечны? Массовая безграмотность, нежелание развиваться? Но скоро объем информации (в книгах, статьях, интервью, слайдах, фотографиях, сохранных «в облаке») станет таким полным, что обнажится вся реальность, которая покры-

вается мифами. Как тогда создавать историю в угоду политикам? А никак. Кто будет искать истину в горах информации, когда есть вещи посерьезнее, ради чего можно всем поступиться.

По-прежнему господствующее большинство, непримиримое к «чужим», может побивать камнями инакомыслящих. Фанатики с хоругвями влезают в личную и общественную жизнь сограждан, И даже теперь, когда надвигается ужас всеобщего конца, неповоротливая Система ничуть не изменилась. «Наши» плохо переносят грязных «понаехавших», и злорадствуют над мультикультурным Европейским содружеством с его терпимостью и взаимопомощью, не испугавшимся грязных ног беженцев, могущих затоптать его чуткую хрустальную культуру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.